

Журналы для подростков создают эффектный колоритный дизайн. Но в одних случаях оригинальность оформления затрудняет легкость восприятия полосы, а в других – попытки экспериментировать с цветом и композицией приводят к неорганизованности пространства, нестрогости отношению к законам верстки и традициям оформления.

Несмотря на то, что все детско-юношеские журналы имеют собственные особенности оформления, можно выделить общие тенденции дизайна белорусских журналов для детей и подростков. Оформление всех детских изданий отличается эмоциональностью и яркостью, проявляющиеся в активном применении цвета, выборе различных гарнитур шрифтов для заголовков; привлекательностью, которая выражается в большом количестве качественно выполненных иллюстраций, композиционном решении полос, эффектном оформлении обложек; оригинальностью, отражающейся в создании неповторимого стиля каждого издания, а также нестандартностью, которая проявляется в использовании специфических эффектов компьютерной графики – обрамления по принципу виньетки, модификации формы текстовых блоков, применении галочек и смайликов, в создании всевозможных коллажей и других необычных приемах дизайна.

«ДЕТСТВО» КАК ПОТЕРЯННЫЙ КОНЦЕПТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Н. М. Шухман

Определением базовых концептов творчества Платонова занимались многие лингвисты. Одна из наиболее репрезентативных работ такого характера, обобщающая весь опыт исследования концептосферы Платонова, – исследование М. Дмитриховской «Язык и мирозерцание Андрея Платонова», где основными концептами творчества называются такие, как истина, вещество, жизнь, сила, земля, вода, огонь, воздух, пространство, место, сознание, душа, пустота, скука, тоска и другие, однако концепты «детство», «ребенок», а также другие языковые знаки семантического поля «детство», не рассматриваются. М. Михеев выстроил антонимичные пары ключевых концептов, однако в 22 таких парах места для концепта «детство» (по структуре Михеева, оппозиции «детское» – «взрослое») не нашлось. Таким образом, опираясь на ключевые труды в исследовании концептосферы Платонова, мы можем сказать, что «детство» как концепт исследователями не репрезентируется. Есть несколько исследований, где тема детства так или иначе затрагивается. Одно из первых принадлежит С. Бочарову. В его работе «Вещество существования» [1, с. 10–46] (1968 г.) отмечается: «Платоновский образ – слабая сила («мягкие руки маленьких детей»)… Мягкому и чуткому, переходящему в

рыхлое и слабое, противоречит сильное, твердое, точное, мощное». Однако, отмечает исследователь, эта оппозиция не должна рассматриваться только в рамках «человек – машина»: эта оппозиция – «между силами рассеяния, разрушения, хаоса, и тихо сопротивляющейся... силой сосредоточения, концентрации, укрепления, накопления энергии и смысла». Именно к последней силе, т.е. силе концентрации и накопления энергии и смысла, мы отнесем и ребенка. Сравните: «он [ребенок] любил жить без перерыва, чтобы видеть все, что живет без него», «Егор не хотел спать: он хотел еще жить, играть с кем-нибудь» («Железная старуха»); «дети были его единственным чувством прочности своей жизни — они мягкими маленькими руками заставляли его пахать, заниматься домоводством и всячески заботиться» («Чевенгур»), т.д. Отсюда приходим к первой составляющей детства как концепта: детство – сила сосредоточения, накопления опыта, стремления к знанию; сила, провоцирующая к действию, вернее – скажем языком Платонова – провоцирующая к осуществлению жизни. Детство как первоначало непорочно и имеет стойкую связь с предыдущими поколениями, т.е. с их историей, культурой.

К теме детства обращался исследователь Л. Карасев [2, с. 105–121]: «Задав вполне продуманно «детские» мотивы страха темноты, сна-смерти, плача, он [Платонов – прим. авт.]... перешел к их трансформации и более общим смыслам». Многие взрослые у Платонова воспринимают мир как дети, причем «Платонов описывает людей с оборванным детством, т.е. обладающих искаженным восприятием жизни». «Оборванность» детства героев прослеживается во многих рассказах и повестях Платонова. В рассказе «Семен» читаем: «Семилетний ребенок весь долгий летний день своей жизни был занят работой: он заботился о двух братьях, еще более маленьких, чем он». В «Сокровенном человеке» – об идущих на фронт красноармейцах: «Из детства они вышли в войну, не пережив ни любви, ни наслаждения мыслью, ни созерцания ... неимоверного мира», др. Отсюда приходим ко второй составляющей детства как концепта: это состояние, с которым человек расстается внезапно, радикально и безвозвратно. Под гнетом обстоятельств, «слабая сила» – ребенок вынуждена сразу, без времени на осознание собственного взросления, становиться «сильной силой» – т.е. взрослым. Такая репрезентация детства Платоновым отчасти автобиографична: «жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться, биться...» – так Платонов говорил о себе [3]. В его жизни было еще одно «трагическое детство» – жизнь сына Платона. В 1938 году 15-

летний сын писателя был арестован, в 1941 году выпущен из лагеря, в 1943-м умер от туберкулеза на руках у отца.

Третья составляющая детства как концепта: ребенок является проводником между реальным и ирреальным миром; он только направляет, но не участвует в ходе событий. Участие, влияние нарушило бы естественный путь развития мира, а нарушать мир – участь взрослых. Ребенок, вмешивающийся в ход событий и «делающий» жизнь – уже не ребенок, а взрослый, вне зависимости от физического возраста. Например, «ребенок-проводник» из рассказа «Девушка Роза»: «Роза слушалась всех... а потом опять просила, чтоб ее проводили за руку в чистое поле, где просторно и далеко видно, как на небе. Один маленький мальчик послушался Розы; он взял ее за руку и вывел в поле, на шоссеиную дорогу. Далее Роза пошла одна». Здесь волю девушки исполняет не взрослый, а именно ребенок, причем он лишь указывает ей путь, а сам не идет дальше. Как узнаем далее, поле было заминировано, и Роза погибла. Мальчик исполняет роль «проводника» между миром реальности (война) и миром желаний (поле), выполняя волю потерявшей разум в плену фашистов Розы. При этом мы понимаем, что трагический исход неизбежен в обоих мирах. Мальчик мог знать о том, что в поле – смерть, и он вывел туда Розу, потому что она об этом просила: ей, обезумевшей, лучше умереть с исполненной мечтой (выйти в поле), чем погибнуть в мучениях фашистов. Такая мотивация была бы вполне в стиле героев Платонова.

Четвертая составляющая детства как концепта – параллель «сиротство – некто замещающий родителя – поиск родителя», причем под «родителем» может подразумеваться и кровный родственник, и – как вариант его замещения – некая идея, которая вместо матери или отца поможет ребенку найти свое место в мире. Обратившись к этимологии лексемы «ребенок», увидим: в XII веке это слово имело форму «робенок» и находилось в тесном родстве с существительным «раб». Первоначальное же значение слова «раб» в русском языке – сирота, затем произошел сдвиг значения – подневольный работник. У Платонова языковой знак «ребенок» достаточно часто реализуется именно в первоначальном значении слова «раб», т.е. в значении «сирота». В исследовании Н. Полтавцевой [4] отмечается важная для нас деталь: главный герой «Чевенгура» Саша Дванов все время занят «поиском отца, ведущей идеи, правильной партии» – то есть какой-то константы, которая помогла бы ему определить направление собственной жизни. Автор, «наделив Сашу тремя отцами», не позволяет ни одному из них быть отцом в полной мере. Все отцы Сашей «утрачены: кто ушел сам, кто выдворил Сашу из дома, от кого-то он сам все время уходит, а тот постоянно его ищет». Тема сиротства и ново-

го, другого, неродного родителя, который берет ребенка на воспитание, реализуется и в других произведениях: «Уля не знала своей родной матери и родного отца... Добрые люди взяли ребенка к себе» («Уля»), «Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом» («Юшка»), др.

Сирота, обделенный родными, все же способен на существование в будущем и, более того, может сам это будущее строить – и именно через акт вмешательства в мир, через социальное действие ребенок становится взрослым. Например: «Юноша глядел на своих встречных товарищей и улыбался им: он знал, что среди них есть много таких же, как он, круглых сирот, которые наравне с ним создают себе нужную родину на месте долгой бесприютности» («Глиняный дом в уездном саду»). Причем третья составляющая этой параллели, поиск ребенком родителя, также является актом вмешательства в мир, т.е. совершаемым действием: таким образом, в тот момент, когда ребенок решает отправиться на поиски родителя, он перестает быть ребенком. Однако быть сиротой значит не только не иметь отца и матери; в более широком смысле это – не иметь собственной истории, начинать жизнь с чистой страницы. Именно сирота, по Платонову, будет наилучшим строителем социализма, т.к. сироте, легче его привить: у него нет родителей, а значит – нет памяти о каком-либо другом мироустройстве. Поэтому для строителей социализма сиротство – наиболее оптимальное и желанное состояние жизни, в которой всеобщим родителем будет партия. В «Котловане»: «[Жахов] втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их [врагов социализма] массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство».

Пятая составляющая концепта «детство» отчасти связана с предыдущей: это мотив материнства. В этом мотиве, как правило, отсутствует мать. Когда у ребенка нет родной матери, он видит мир искаженным: например, в рассказе «Уля» девочка-сирота обладает странным даром видения: в ее глазах отражается вся правда о человеке, та правда, которую он сам даже может скрывать и от окружающих, и от себя самого. Уле этот дар не приносит радости: она пугается, с плачем убегая от того, в ком увидела истину. Предположим, что Уля видит на самом деле не истину, а скорую смерть того, на что или на кого она смотрит: так, больше всех она боится старую бабушку и не любит играть с цветами и смотреть на бабочек: ведь их век так короток. Ее любимое развлечение – игра с черным сором, взятым с земли: может быть, потому, что земля – вечна, и мусор – вечен, как вечный спутник цивилизации. Но, когда родная мать находит Улю, ее странный дар исчезает, и она начинает смотреть на мир «серыми и ясными глазами», в глубине которых «ничего не стало вид-

но»: «Она видела правильно — прекрасное и доброе, что есть на земле, ей теперь не казалось страшным и безобразным, а злое и жестокое — прекрасным, как было без родной матери». Такое счастливое разрешение конфликта «прерванного детства» едва ли не единственное у Платонова. Эпизод с искаженным зрением сироты и обретением нормального зрения вместе с обретением матери считается нами концептуальной оппозицией, олицетворяющей необходимость наличия матери вместе с ребенком для того, чтобы концепт «детство» был полноценен.

Литература

1. *Бочаров С. Г.* Вещество существования // Андрей Платонов: Мир творчества: [Сб.ст.] / Сост.: Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубина. М., 1994.
2. *Карасев Л. В.* Знаки «покинутого детства»: (Анализ «постоянного» у А. Платонова). – указ. соч., с. 105-121.
3. *Корниенко Н. В.* «Я прожил жизнь»: основные даты жизни и творчества Андрея Платонова / Андрей Платонович Платонов: Жизнь и творчество: Биобиблиогр. указ. произв. писателя на рус. яз., опубл. в 1918 – янв. 2000 г. М., 2001.
4. *Полтавцева Н. Г.* Мотив сиротства как проблема культуры у Платонова и Джойса (Саша Дванов и Стивен Дедалус) / Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Книга 3. – СПб., 2004.